

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОТСТАВАНИЯ
В АРАБО-МУСУЛЬМАНСКОМ МИРЕ

© 2014

В. А. МЕЛЬЯНЦЕВ

В статье, базирующейся на серии моделей и расчетов, показано, что арабо-мусульманский мир, бывший тысячу лет тому назад по уровню экономического и культурного развития в числе мировых лидеров, ныне, несмотря на наличие солидных природных и человеческих ресурсов, в целом демонстрирует невысокие темпы и уровни макроэкономической результативности, эффективности роста, международной конкурентоспособности, но сравнительно высокие показатели политической нестабильности. Большинство арабских стран, в отличие от Китая, Индии, новых индустриальных стран, ряда неарабских государств мусульманского мира, в том числе Турции, Малайзии, Индонезии, так и не сумели по-настоящему встать на путь современного экономического роста и слабо вписываются в перспективные модели роста XXI в. Это главным образом вызвано их отставанием в развитии человеческого капитала, торможением консервативными режимами проведения неотложных институциональных и экономических реформ, способных резко повысить уровень управления, диверсифицировать структуры производства и экспорта.

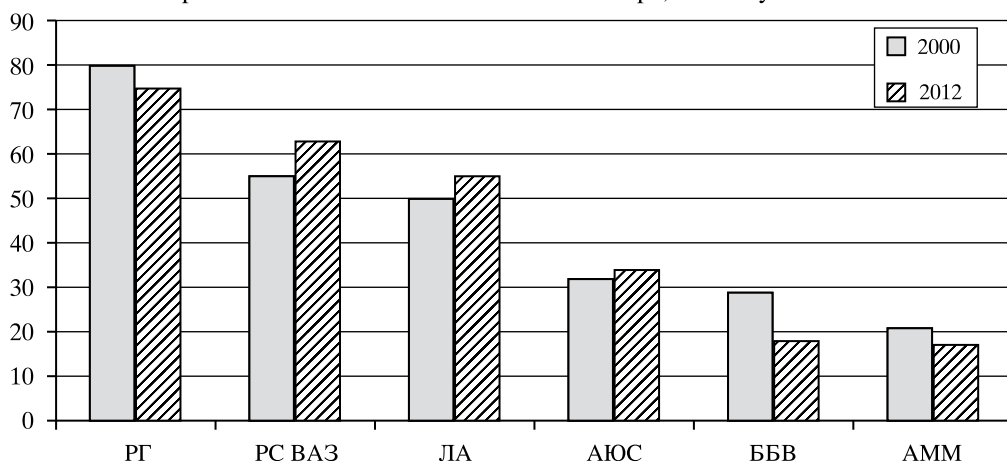
Ключевые слова: арабские страны, нестабильное развитие, человеческий капитал, эффективность роста, международная конкурентоспособность, институты, реформы.

Весьма значительное (более чем на треть) снижение уровня политической стабильности, происшедшее с начала XXI в. в целом по региону Большого Ближнего Востока (ББВ, в среднем по арабским странам (АС) приблизительно на четверть), в результате чего “планка” этой стабильности оказалась, как и в целом по арабо-мусульманскому миру (АММ), примерно втрое (!) ниже, чем в среднем по оставшейся части глобального сообщества (см. *граф. 1*), является следствием многих внешних и внутренних причин. Среди последних следует выделить кризис модели ограниченной, неравномерной модернизации, осуществлявшейся в регионе на фоне рекордного по темпам и масштабам демографического расширения, который в условиях мирового финансово-экономического кризиса перешел в открытую форму (см.: [Мельянцев, 2011(2); Мельянцев, 2013; *Системный мониторинг*, 2012; World Economic Forum, *The Arab World Competitiveness Report*, 2011–2012; 2013; UNDP, 2009; 2011]).

Об относительно невысоком уровне эффективности и международной конкурентоспособности экономик большинства стран Большого Ближнего Востока и, шире, арабо-мусульманского мира говорят следующие цифры. На долю арабо-мусульманского мира, в котором проживает весомая и быстро растущая часть населения нашей планеты (в 1913 г. – 12–13%, в 1950 г. – 14–15 и в 2012 г. – не менее 20–21%), приходится не более 9–11% мирового ВВП и экспорта товаров и услуг, 4–5% глобального экспорта средние- и высокотехнологичных товаров (без учета Малайзии, Индонезии и Турции – 0.3–0.5%), 1.5% общемировых расходов на НИОКР и примерно 1% всех поданных в мире заявок на патенты (рассчитано по: [Мельянцев, 2003, с. 63; *World Development Indicators*, 2012, р. 332–334; 2013, р. 20–24, 82–86; UNDP, 2013, р. 160–165, 178–181, 186–189, 194–197; UNESCO, 2010, ch. 10, 12–16, 21]).

График 1

Уровень политической стабильности в мире, максимум = 100

Примечание. РГ – развитые государства, PC ВАЗ – развивающиеся страны Восточной Азии, ЛА – Латинская Америка, АЮС – Африка южнее Сахары, ББВ – Большой Ближний Восток, АММ – арабо-мусульманский мир.

Рассчитано по: [Worldwide Governance Indicators, 2013].

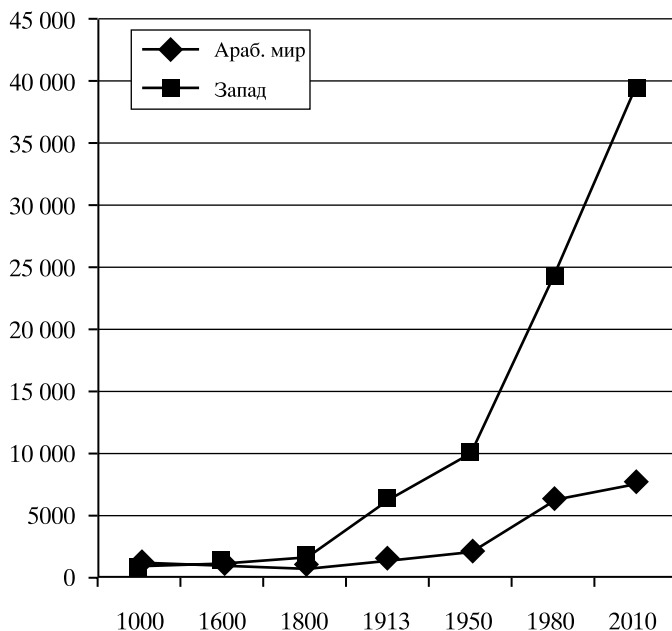
В 2013–2014 гг. по общему индексу глобальной конкурентоспособности Индия занимала 60-е место (из 148), КНР – 29-е, Южная Корея – 25-е, Тайвань – 12-е, Гонконг – 7-е, Сингапур – 2-е. Индекс конкурентоспособности по ряду аравийских нефтеэкспортеров (Катар – 13-е, ОАЭ – 19-е, Саудовская Аравия – 20-е, Оман – 33-е, Кувейт – 36-е) достигает по мировым меркам вполне приличных значений, но он очень низок (и снизился в результате событий, связанных с “арабской весной”), например, по Йемену (145-е), Египту (118-е) и Ливии (108-е), весьма невысок по Ливану (103-е), Алжиру (100-е), Тунису (83-е) и Марокко (77-е место) [World Economic Forum. *The Global Competitiveness Report*, 2013, p. 16–17].

Напомню, однако, что страны арабо-мусульманского мира не всегда отставали. К IX–X вв. арабо-исламская цивилизация достигла немалых успехов в развитии экономики, торговли и культуры. Были построены богатые города, обширные библиотеки (в Багдаде, Дамаске, Каире, Кордове). Университеты Аз-Зитуна (Тунис, 737 г.), Аль-Карауин (Марокко, г. Фес, 859 г.), Аль-Азхар (Каир, 972 г.) основаны на столетия раньше, чем старейший европейский университет в Болонье (1088 г.) [Видясова, 1987; Ланда, 2005; Наумкин, 2013; Фильштинский, 2008; Islam, 2008; Issawi, 1989].

В XI в. Египет, отставая по уровню душевого ВВП от Китая примерно на четверть, более чем в полтора раза превосходил тогдашнюю Западную Европу. По индексу человеческого развития (ИЧР) Египет, отставая на треть от Китая, практически вдвое опережал Западную Европу. Урожайность зерновых в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, хотя и была примерно на треть ниже, чем в сунском Китае, в 4–5 раз превышала аналогичный показатель в среднем по Западной Европе. Уровень урбанизации в среднем по странам Ближнего Востока и Северной Африки был в полтора раза выше, чем в Западной Европе (без Испании). В 900 г. пять из десяти крупнейших городов мира были мусульманскими (к 1100 г. уже только три). Отставая по уровню грамотности от Китая примерно вдвое, страны Ближнего Востока и Северной Африки в целом в 4–5 раз опережали Западную Европу (1–3%). К 1000 г. доля мусульман в мире (14–15%) была уже на две пятых больше, чем христиан (10–11%) (составлено и рассчитано по: [Bairoch, p. 927; Maddison, p. 59, 192, 376; Мельянцев, 1996, с. 56–57, 59, 61]).

График 2

Динамика разрыва в уровнях подушевого ВВП арабского мира и стран запада, доля, в ППС 2008 г.

Рассчитано по: [World Development Indicators, 2012, p. 42–44, 214–216; Maddison, 2007, p. 59, 176, 192; Мельянцеv, 1996, с. 61, 145].

Возникшее в дальнейшем (к 1800 г. – почти трехкратное, к 1913–1950 гг. – четырехкратное) отставание арабских стран от стран Запада по уровню подушевого дохода (см. *граф. 2*) и ИЧР было обусловлено, с одной стороны, экономическим подъемом стран Запада, в которых во 2-м тысячелетии сформировались институты, способствовавшие быстрому росту физического, человеческого капитала и производительности труда, а с другой – существенным торможением развития в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Последнее в немалой мере вызвано усилением экономической и социально-политической нестабильности, связанной с интенсификацией разрушительных внешних вторжений, низким уровнем защищенности жизни и собственности (см.: [Maddison, 2007, p. 175, 177, 229, 376, 378; Ramuk, 2006, p. 815; Мельянцеv, 1996, с. 56, 61, 145]).

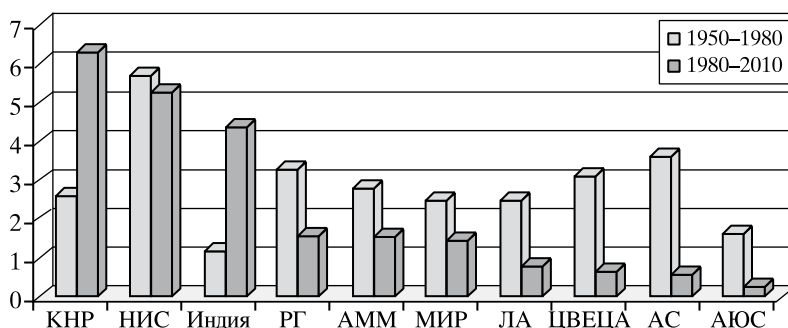
Говоря о средних показателях по арабским странам, следует отметить, что этим странам сегодня присуща высокая дифференциация в уровнях ВВП на душу населения. Разрыв в среднедушевых доходах между самой богатой и самой бедной страной арабского мира (Катар/Сомали), составлявший в 1960 г. 62:1 и в 1980 г. 112:1, достиг к 2010 г. 242-кратной величины, что в десятки раз превышает уровень межстрановой дифференциации по доходам в ЕС и ОЭСР (подсчитано по: [World Development Indicators, 2010; Мельянцеv, 2011(1), с. 12–13]).

Арабские страны дифференцированы¹ по одним характеристикам меньше, по другим – намного сильнее. Например, коэффициент вариации, исчисленный по показателю

¹ Одной из первых в российской литературе работ, в которой обстоятельно анализировалась эта проблема, была книга С.Л. Стоклицкого, Л.А. Фридмана, П.Ф. Андруковича “Экономические структуры арабских стран. Экономико-статистический анализ”. Эту тему в своих исследованиях затрагивали многие российские арабисты – И.О. Абрамова, Л.С. Бочарова, А.М. Васильев, М.Ф. Видясова, В.И. Гусаров, И.П. Иванова, В.А. Исаев, А.В. Коротаев, В.В. Наумкин, А.А. Ткаченко, А.О. Филоник, Л.Л. Фитуни, А.И. Яковлев и др.

График 3

Изменение среднегодовых темпов прироста подушевого ВВП в основных сегментах мировой экономики, %

Примечание. РГ – развитые государства, АММ – арабо-мусульманский мир, ЛА – Латинская Америка, НИС – новые индустриальные страны, ЦВЕЦА – Центральная, Восточная Европа и Центральная Азия, АС – арабские страны, АЮС – Африка южнее Сахары.

Расчитано по: [Maddison, 2007, p. 175–177, 229, 376–379; *World Development Indicators*, 2012, p. 42–44, 214–216; Мельянцев, 2003, с. 63, 68].

подушевого ВВП за 2010 г., составил 166%, оказавшись на порядок – в 11 раз – больше того же коэффициента, рассчитанного по индексу Морриса². Но в целом, как представляется, арабский мир можно изучать как единый, правда весьма гетерогенный, объект.

Расчеты показывают, что много десятилетий спустя после обретения политической независимости большинство арабских стран, в отличие от Китая, Индии, новых индустриальных стран, ряда неарабских государств мусульманского мира, в том числе Турции, Малайзии, Индонезии, так и не сумели по-настоящему встать на путь современного экономического роста и слабо вписываются в перспективные модели роста XXI в. В 1980–2010-е гг. в целом по АС среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП, сократившиеся по сравнению с 1950–1980 гг. в пять–шесть раз, оказались в четыре–пять раз меньше, чем в среднем по развивающимся странам (РС) (см. *граф.* 3).

В первые десятилетия после обретения АС независимости, когда во многих из них проводились национализация в важнейших отраслях экономики, аграрные реформы, активная политика индустриализации, повышение расходов на формирование физического и человеческого капитала и шел значительный подъем (в 1970-е гг.) цен на углеводородное сырье [Al-Namad, 2003, p. 7], произошло трехкратное увеличение среднегодовых темпов прироста их подушевого ВВП – в целом с 1.2% в 1913–1950 гг. до 3.6% в 1950–1980 гг. (в среднем по АММ – с 0.4 до 2.8%) (см. *граф.* 3). Достигнутый показатель в целом по АС оказался выше, чем в среднем по РС (2.7%) и РГ (3.3%) (расчитано по источникам к графику 3; см. подробнее: [Ramuk, 2006, p. 825]).

Однако, как это ни парадоксально, в следующее тридцатилетие, несмотря на разрывывание в мире глобализационных процессов и информационно-технологической революции (см.: [Мельянцев, 2000]), которые не обошли стороной большинство АС, среднегодовые темпы прироста их подушевого ВВП сократились в целом примерно в шесть раз – до 0.5–0.7%. Этот показатель, оказавшийся ниже только по Африке южнее Сахары (АЮС, 0.2–0.3%), составил в среднем по Латинской Америке (ЛА) 0.8–0.9%, в развитых государствах (РГ) – 1.6–1.7%. Весьма неплохо, а в ряде случаев – с ускорением, росла экономика стран и регионов, в которых были проведены более или менее

² Простейший индикатор (среднее геометрическое невзвешенных относительных индикаторов средней продолжительности предстоящей жизни от рождения и грамотности взрослого населения), ориентировочно отражающий достигнутый уровень социокультурного развития страны.

взвешенные либеральные экономические реформы, среди них немало азиатских новых индустриальных стран (НИС). Среднегодовой темп прироста ВВП в расчете на душу населения оказался равен в 1980–2010 гг. в АММ (без АС) – 2.2–2.3%, в Индии – 4.4, в РС Восточной Азии (ВАЗ) – 5.7–5.9% (рассчитано по источникам к *граф.* 3).

Дифференциация АС весьма велика не только по достигнутым уровням развития, но и по темпам роста подушевого ВВП. По моим расчетам, в 1980–2010 гг. коэффициент их вариации по 22 АС составил 1100% (!). А сами среднегодовые темпы колебались от 2.4–2.6% в Тунисе и Египте, в которых был проведен ряд хотя и ограниченных, но в целом прагматичных структурных экономических реформ, до -6.5% в Ираке (рассчитано по источникам к *граф.* 3). Без учета Ирака рассматриваемый коэффициент вариации втрое меньше, но все равно очень большой – 329%. Замедление среднегодовых темпов прироста подушевого ВВП, которое в целом по АС было больше, чем в среднем по миру (с 2.4–2.6% в год в 1950–1980 гг. до 1.4–1.6% в 1980–2010 гг.), – следствие ряда причин, как внутренних для арабского мира, так и внешних, в том числе связанных с усилением валютно-финансовой нестабильности в мировом хозяйстве, резким нарастанием финансиализации глобальной экономики, ее зависимости от гигантски возросших потоков спекулятивных денег [Мельянцев, 2009].

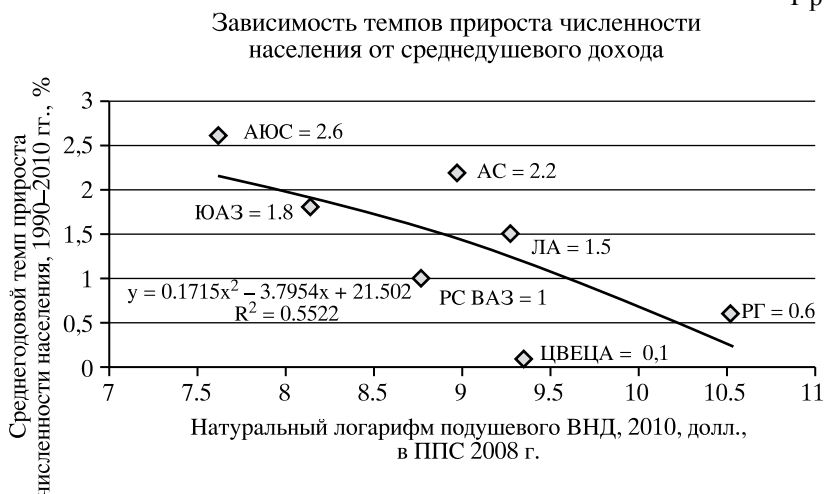
Замечу, однако, что в течение трех прошедших десятилетий индикатор нестабильности в целом по АС имел тенденцию к уменьшению – с 460–470% в 1980-е до 150–160% в 1990-е и 40–50% в 2000-е гг. Одновременно с сокращением в АС средних темпов роста численности населения (соответственно с 3.2–3.3% до 2.4–2.5 и 1.8–1.9%) и ускорением темпов роста ВВП (с 1.4–1.5% до 3.2–3.4 и 4.6–4.8%) произошло повышение в них средних темпов прироста подушевого ВВП (с -1.6–1.8% до 0.8–0.9 и 2.7–2.8%).

Разумеется, определенную роль в улучшении экономической динамики в АС сыграли осуществленные в ряде из них структурно-стабилизационные программы. Но не менее важный фактор – возвращение более благоприятной ценовой конъюнктуры для нефтеэкспортеров, которая через механизм денежных переводов и других трансфертов (помощь) позитивно сказалась и на развитии ряда более бедных АС.

Если в 1980–1990-е гг. в целом по АС среднегодовой темп прироста подушевого ВВП, скорректированного на изменение бартерного индекса условий внешней торговли (-1.6–1.8%), был в четыре раза меньше “традиционного” показателя роста подушевого ВВП (-0.3 – -0.5%), то в целом за 2000-е гг. он, напротив, оказался примерно в полтора раза выше (4.6%:2.8%), как и в 1970-е гг.(7%:4.6%)³. Таким образом, экономический прогресс в АС по-прежнему критично зависит от ценовой конъюнктуры в мире на их важнейший ресурс – углеводородное сырье.

Весьма важным фактором, тормозящим экономический рост АС, остаются высокие темпы роста их населения (в 1980–2010 гг. 2.5% в год), которые, хотя и несколько ниже, чем в АЮС (2.7%), но почти в полтора раза выше, чем в среднем по РС (1.7%). Рост населения, помимо других факторов, в весьма существенной мере определяется уровнем фертильности, который, хотя и снижается в АС, но, в силу сохраняющихся традиций, в среднем за последние два десятилетия составлял все еще около 4, превышая его значения по ВАЗ и ЛА более, чем в полтора раза [*World Development Indicators*, 2010, p. 132–134]. Внутри арабского мира сильна дифференциация и по этому показателю – в 2000–2008 гг. от 6–7% в год в Катаре (ввиду значительных масштабов иммиграции) до примерно 1% в Тунисе, в котором показатель фертильности в три раза меньше, чем, например, в Сомали (соответственно 2.1 и 6.4 ребенка на одну женщину)

³ Рассчитано по следующей формуле: $g = e - 0.5(b_1 + b_2) + c$, где g – темп прироста ВВП, скорректированного на изменение условий торговли, e – среднегодовой темп прироста бартерного индекса условий внешней торговли, b_1 и b_2 – доля экспорта товаров и услуг в ВВП, рассчитанного по паритетам покупательной способности (ППС) валют, соответственно в начале и конце периода; c – среднегодовой темп прироста ВВП. (Расчеты сделаны по: [Мельянцев, 2011(1), с. 11; *World Development Indicators*, 2010, p. 358–360; UNCTAD, 2010, p. 242–246], источникам к *граф.* 3).

Примечание. ЮАЗ – Южная Азия, РС ВАЗ – развивающиеся страны Восточной Азии, другие аббревиатуры см. в прим. к графикам 1 и 3.

Рассчитано по: [UNDP, 2010, p. 146, 187].

[World Development Report, 2010, p. 379; World Development Indicators, 2010, p. 132–134; UNDP. Arab Human Development Report, 2009, p. 33–34].

Обгоняя в целом другие РС по темпам прироста численности населения примерно в полтора раза (см. *граф. 4*), АС существенно отстали от РС Восточной и Южной Азии (ВАЗ, ЮАЗ) по темпам прироста производства в аграрном секторе, обрабатывающей промышленности и сфере услуг, многократно превосходя их по коэффициенту неустойчивости роста ВВП, в значительной мере связанной с нестабильностью их бартерных условий внешней торговли и политической обстановки [Мельянцев, 2011(1); UNDP, 2013, p. 197].

Для арабских стран характерна весьма слабая диверсификация экономики и структуры экспорта (см. *граф. 5*). Хотя доля АММ в численности мирового населения в 2009–2010 г. (21%) была уже на 3/4 больше, чем стран Запада (12%), удельный вес АММ в глобальном ВВП (9.7%) и экспорте (9.9%) многократно меньше, чем у стран Запада (44 и 52%)⁴, что свидетельствует о пока еще сравнительно низкой международной конкурентоспособности хозяйственных систем многих исламских стран, их слабой и в целом (по ряду важнейших индикаторов) снижающейся вовлеченности в мирохозяйственные связи в период интенсификации глобализационных процессов.

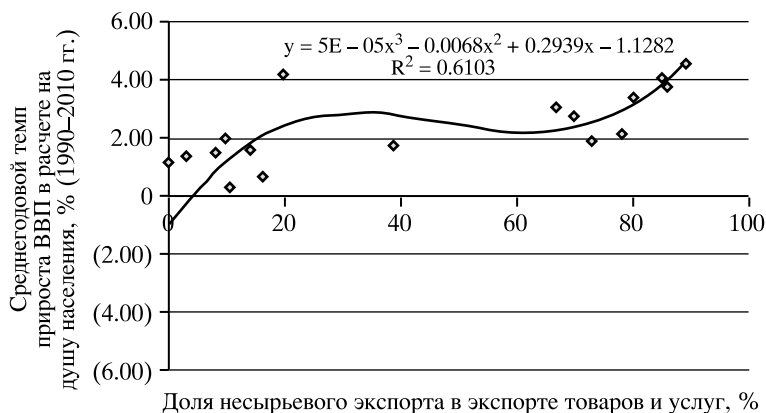
Несмотря на успехи в облагораживании структуры экспорта в Тунисе, Марокко, Египте, Сирии, Ливане, Иордании и Бахрейне, в целом по арабскому миру доля продукции обрабатывающей промышленности в экспорте повысилась весьма незначительно – с 2–3% в 1960 г. до 6–8% в 1980 г. и 10–11% в 2008 г. (в РГ – соответственно с 66% в 1960 г. до 73% в 1980 г. и 80% в 2008 г., в РС – с 13–15% до 42–44 и 59–60%). Доля высокотехнологичной продукции в стоимости экспортируемых готовых изделий в 2008–2012 г. в целом у АС (1.8–2.2%)⁵ оказалась на порядок ниже, чем в среднем по

⁴ В 2009–2010 гг. доли АС в численности мирового населения, ВВП и экспорта товаров и услуг составили соответственно 5.2%, 3.7 и 5.8%, а по США – 4.6%, 20.4 и 10% (рассчитано по: [IMF, 2010, p. 170]).

⁵ По имеющимся данным, в 2008–2012 гг. этот показатель составлял в ОАЭ 3%, в Тунисе и Марокко 5–6% [World Development Indicators, 2010, p. 340–342; High-technology exports (% of manufactured exports) [http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx].

График 5

Арабо-мусульманский мир: взаимосвязь структуры экспорта и динамики роста подушевого ВВП, 1990–2010 гг.

Источник: [Мельянцеv, 2011(1), с. 42].

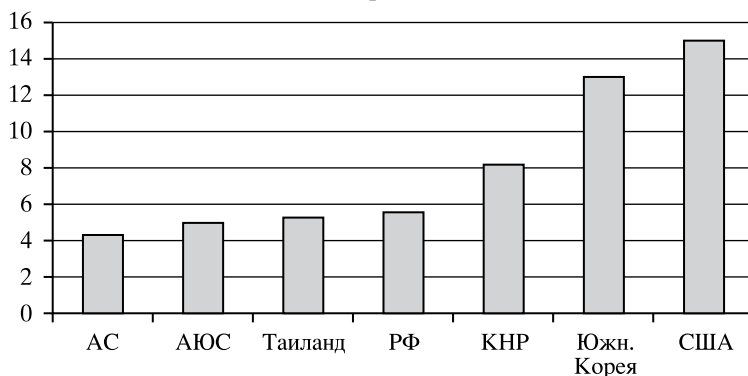
РС (21–22%). В 2008 г. в среднем по неарабским странам мусульманского мира доля готовых изделий в товарном экспорте (44–45%, без Ирана и Нигерии – 58–60%) оказалась выше, чем по АС, в 4–6 раз, а удельный вес высокотехнологичной продукции в стоимости экспортируемых готовых изделий (16–17%) был в 8 раз выше, чем в целом по арабскому миру. [Мельянцеv, 2009, с. 110; рассчитано по: *World Development Indicators*, 1998, p. 188–190; 2010, p. 238–240, 340–342; *World Development Report*, 1983, p. 186–187; UNCTAD, 2002, p. 137–140; UNDP. *Human Development Report*, 2003, p. 287–289].

Для арабских стран, притом что ряд из них – капиталоизбыточные экспортеры нефти, характерен недостаточный (в 1.5–2 раза более низкий, чем в РС ВАЗ и ЮАЗ) уровень накопления физического и особенно человеческого капитала (см. *граф. 6*). Во второй половине 2000-х гг. совокупные расходы всех арабских стран на высшее образование, НИОКР и информационные технологии в среднем составляли немногим более 4% их ВВП, в США – 15%, в Южной Корее – 13%, КНР – 8%.

Хотя доля совокупных частных и государственных расходов на развитие здравоохранения, образования и науки в ВВП АС увеличилась по сравнению с 1960–1970-ми гг. примерно в полтора раза, она во второй половине 2000-х гг. едва ли превышала 11–12%: затраты на здравоохранение – 4.8–5.0%, на образование, включая профподготовку, – 6.5–6.9%, на НИОКР – 0.2–0.3% (!) их ВВП. Хотя в отдельных АС совокупные расходы на развитие человеческого фактора и науки были выше (в Тунисе, Иордании, Алжире и Саудовской Аравии – 13–15% ВВП), в целом по арабскому миру они во второй половине 2000-х гг. оказались примерно на четверть ниже, чем в латиноамериканских государствах (14–15% их ВВП), в полтора раза ниже, чем в азиатских НИС (18–19%) и вдвое ниже, чем в РГ (22–23%) [*World Development Indicators*, 2007, p. 74–76; 2008, p. 76–78; 2009, p. 98–100; 2010, p. 102–104, 120–122; UNDP. *Human Development Report*, 2010, p. 202–205; UNESCO, 2010, p. 259, 271]. Если учесть, что в середине 2000-х гг. удельный вес в ВВП расходов на НИОКР составлял по группе из семи неарабских мусульманских стран 0.4–0.5%, в целом по АММ – 0.3–0.4, в ЛА – 0.6–0.7, РС ЮАЗ – 0.8, в РФ – 1.1–1.2, РС ВАЗ – 1.7, в США – 2.7, в Японии, Южной Корее, Финляндии и Швеции – 3.5–3.7 и в Израиле – 4.7% ВВП, то можно сделать вывод, что правители, элита и общество в целом в АС и АММ не готовятся серьезно к постиндустриальному и иным вызовам XXI в.

График 6

Доля расходов на высшее образование, НИОКР и информационные технологии в ВВП, вторая половина 2000-х гг., %

Рассчитано по: [World Development Indicators. 2008, p. 308–310; 2012, p. 82–84, 332–334; UNDP, 2013, p. 162–165, 186–189; UNESCO, 2010].

Вместе с тем в АММ и в АС несомненно произошли важнейшие сдвиги в развитии человеческого фактора (капитала). Улучшение питания, санитарных условий, медицинского обслуживания вызвало сокращение младенческой смертности: в среднем по АС с 153–157 промилле в 1960 г. до 90–94 в 1980 г. и 34–38 (в АММ до 45–49) промилле в 2008–2010 гг. Достигнутый результат сильно варьировался по странам (115 в Сомали и 9–10 в Кувейте и Катаре), но в целом соответствовал показателям стран Запада и Японии полувековой давности. Весьма значительными, хотя и не рекордными темпами увеличивался в арабском мире индикатор средней продолжительности предстоящей жизни: в среднем с 44–46 лет в 1960 г. до 56–58 в 1980 г. и 67–69 лет в 2008–2010 гг. (рассчитано по: [World Development Indicators, 2003, p. 112–114; 2010, p. 144–146; UNDP. Human Development Report, 2003, p. 238–240, 262–265; The World Factbook, 2011; Мельянцев, 1996, с. 183]).

Немалые успехи достигнуты в АММ и в области образования. Так, например, брутто-показатель охвата молодежи обучением в средней школе вырос в АС с 10–11% в 1960 г. до 35–37% в 1980 г. и 68–70% в 2008 г. В группе неарабских мусульманских стран он повысился, но не столь существенно – с 8–9% до 24–25 и 55–57%. Однако к 2008 г. средний индикатор по АММ (58–60%) был несколько ниже, чем в целом по группе РС, и находился на уровне стран Запада и Японии первой половины 1960-х гг. Начав с крайне низкого старта, АС по индикатору охвата молодежи обучением в высшей школе в последние десятилетия (в 1960 г. – 1–2%, в 1980 г. – 9–10%, в 2008 г. – 20%) в целом превысили отметку по РС (соответственно 2–3%, 8 и 18%). В группе других мусульманских стран результаты были скромнее (1%, 3–4 и 16%). Показатели за 2008 г. Египта и Туниса (29–32%), Иордании (38%) и Ливана (52%) намного лучше, но не идут ни в какое сравнение с достижениями Тайваня и Южной Кореи (94–96%), сумевших резко повысить свою международную конкурентоспособность во многом на основе повышения образовательного уровня человеческого потенциала. По рассматриваемому показателю АС в целом вышли на западноевропейские и японские позиции конца 1960-х гг. и достигли уровня США шестидесятилетней давности (рассчитано по: [UNDP. Human Development Report, 1994, p. 136–137, 207; 2003, p. 237–240, 339; World Development Report, 1983, p. 196–197; World Development Indicators, 2009, p. 84–86; 2010, p. 106–108; UNCTAD, 2002, p. 356–362; UNESCO, 2010, p. 259, 272]).

Для системы образования АММ характерен ряд недостатков, которые существенно снижают ее эффективность. В АС в начале 2000-х гг. подготовленными считались не более 2/3–4/5 всех учителей начальной школы. Вне частного сектора качество образования как правило, посредственное [The Economist, July 23, 2009]. В последние два десятилетия на естественнонаучных и медицинских факультетах университетов училось в среднем не многим более 1/3 всех студентов (в азиатских НИС 40–45%) [World Development Indicators, 2003, p. 76–78; UNDP. Arab Human Development Report, 2002, p. 155; UNESCO, 2010, p. 273; The Financial Times, November 8, 2010].

В результате подготовка молодежи не вполне адекватна потребностям общества [World Economic Forum. The Arab World Competitiveness Report, 2010, p. 14, 25]. По индексу конкурентоспособности высшего образования более или менее приличные места среди АС только у Туниса (в 2010–2011 гг. 30-е место из 139), Катара (32-е) и ОАЭ (36-е). У остальных ситуация намного хуже. Например, Египет (97-е место), Алжир (98-е), Марокко (102-е) и Сирия (107-е) занимали места в нижней трети мирового рейтинга [World Economic Forum. The Global Competitiveness Report, 2010–2011, p. 20–21].

Вместе с тем средний показатель грамотности взрослого населения в АС вырос многократно – с 16–17% в 1960 г. до 39–41% в 1980 г. и 72–74% в 2007–2009 гг. (в целом по группе неарабских мусульманских государств – соответственно с 25–27%, 42–44 и 71–73%). Однако его значения были ниже, чем в среднем по РС (в 1900 г. – 13–15%, в 1950 г. – 27–29, в 1960 г. – 37–39, в 1980 г. – 55–57 и в 2007–2009 гг. – 78–80%) (рассчитано по: [UNDP. Human Development Report, 1994, p. 27, 136–137; 2003, p. 210–274, 339; World Development Indicators, 2010, p. 114–116; The World Factbook, 2011; Стоклицкий, Фридман, Андрукович, 1985, с. 154; Мельянцев, 1996, с. 199].

Для АММ особенно остро стоит проблема гендерного неравенства вообще и разрыва в уровнях образования в частности. Несмотря на то, что с 1970 по 2007–2009 гг. уровень грамотности женщин в АС вырос в три–четыре раза (с 16 до 58–60%), две пятых всех взрослых женщин не умели читать и писать. Показатель соотношения женской к мужской грамотности в арабском мире вырос в отмеченные годы почти вдвое – с 36 до 66–68%. Хотя в целом по АС этот показатель не меньше, чем в Индии (68%), он явно не дотягивает до среднего уровня по АЮС, а также по группе неарабских мусульманских стран (77–80%), КНР (93–95%), ЛА и азиатских НИС (97–99%). Из 65 млн неграмотных, насчитывающихся среди взрослого населения АС, 3/4 составляют женщины. По данным ПРООН, в 2010 г. по индикатору соотношения доли женского и мужского населения старше 24 лет с образованием не ниже среднего в целом арабский мир (70–71%) обгонял РС ЮАЗ (55–56%) и АЮС (62–63%), но отставал от РС ВАЗ (78–79%), ЛА и РФ (97–98%).

В целом по арабскому миру среднее число лет обучения взрослого населения (редуцированное в годах начального образования) выросло, по моим расчетам, с 1.6 в 1950 г. до 4.0 в 1980 г. и 7.3 в 2007 г. При всех немалых различиях внутри группы АС, достигнутый средний уровень выше, чем, например, по АЮС (5.4 года), не сильно отличается от Индии (6.7 лет), отстает от КНР (8.4), ЛА (9.6 лет) и сильно отстает от азиатских НИС и РФ (16–17 лет) [Мельянцев, 2009, с. 206].

В 1976 г. низкоквалифицированные и неквалифицированные работники составляли примерно 87% самостоятельного населения арабского мира, лица средней квалификации – 8%, высокой квалификации – 5% [Amin, 1980, Table 14]. Спустя треть века, по моим расчетам и оценкам, доля первой группы сократилась примерно до 2/3, по-прежнему составляя громадное большинство. Доля работников, обладающих средней квалификацией, выросла втрое – до 1/4. Доля работников высшей квалификации удвоилась – примерно до 1/10 (Рассчитано по: [World Development Indicators, 2010, p. 06–112; UNDP. Human Development Report, 2010, p. 193–196].

Но хватит ли этого для того, чтобы справиться с вызовами постиндустриальной эпохи? В развитых странах высококвалифицированные профессионалы составляют не

менее половины занятых. Но и это считается недостаточным. Знания и навыки устаревают. Накопленный человеческий капитал, к сожалению, достаточно быстро обесценивается (просто мы стараемся не замечать этого). Но сейчас, действительно, как в известной сказке Льюиса Кэрролла: чтобы стоять, надо идти, чтобы идти – надо бежать. Так что АС, если они стремятся остаться хотя бы “на плаву”, предстоит провести не одну серию разумных, последовательных реформ по активизации своего человеческого потенциала.

О громадной межстрановой дифференциации в арабском мире по уровню подушевого ВВП говорилось выше. В богатых, малонаселенных АС Залива коренное население живет, как правило, комфортно (при этом, однако, существует дискриминация женщин или, например, шиитов в Бахрейне). В остальной части арабского мира, где сконцентрировано примерно 320 млн из 350 млн его жителей, социально-экономические и экологические проблемы – намного острее, доминируют полицейские порядки. Согласно опросам Gallup, проведенным в 2010 г., в 22 АС среди людей в возрасте от 15 до 29 лет 30% (40% в Марокко, Тунисе и Йемене) сказали, что эмигрируют навсегда, если представится возможность. Только 34% (в Марокко – 18%, в Египте – 25%) молодых арабов считали, что выборы в их странах проводятся честно [The Financial Times, 16.01.2011; Even the Oil-Rich Gulf Monarchies, 2011; Moisi, 2011; Cockburn, 2011].

Надежных данных о внутривосточном расслоении, насколько мне известно, не так много. Приводимые в международной статистике значения коэффициента Джини по доходам/расходам по АС колеблются в пределах 0.32–0.42 [World Development Indicators, 2010, р. 94–96; Noland, Pack, 2007, р. 67]. Но, как представляется, они скорее всего приукрашивают действительность, недоучитывая, вероятно, доходы наиболее богатых и влиятельных. Приводимое Всемирным банком значение коэффициента Джини по Египту за 2004–2005 гг. составило 0.32, что могло бы, при прочих равных условиях, свидетельствовать о признаках гармонии в обществе. Сделаю, однако, один уточняющий расчет. В США, как известно, сравнительно высокий по меркам РГ уровень неравенства распределения доходов, коэффициент Джини не меньше 0.40, по самым скромным подсчетам [World Development Indicators, 2010, р. 94–96; Noland, Pack, 2007, р. 67]. При этом совокупное богатство Билла Гейтса, считающегося одним из наиболее состоятельных людей в США (40–50 млрд долл.), эквивалентно лишь примерно 0.3% ВВП этой страны (в 2010 г. 14.6 трлн долл.). Совокупные авуары бывшего президента Египта Х. Мубарака вряд ли достигали к концу периода его правления 40–70 млрд долл., о чем часто в последнее время упоминали различные СМИ, но что (в чем я согласен с известным российским арабистом В.А. Исаевым) скорее всего преувеличение. Если же взять более правдоподобную, “скромную” цифру порядка 3–7 млрд долл. (потому что вряд ли Х. Мубарак был беднее Бен Али, бывшего тунисского президента⁶), то она будет эквивалентна примерно 1.4–3.2% ВВП Египта (по оценкам, в 2010 г. 217 млрд долл. по официальному валютному курсу). Таким образом, относительный масштаб богатства Х. Мубарака, возможно, в 6–9 раз больше, чем у Б. Гейтса. При всей ориентировочности сделанного расчета, он наталкивает на мысль о том, что официальные данные о неравенстве в Египте, скорее всего, значительно занижены [Мельянцев, 2011(1), с. 38].

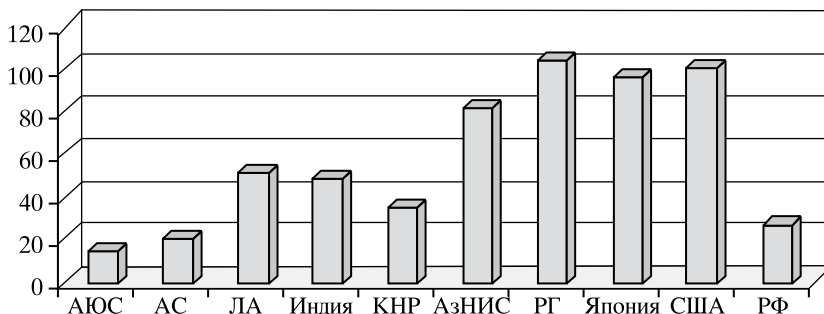
Проблема АС не только в том, что там есть и ощущается огромное расслоение в обществе. В отличие от тех же США и других РГ, в арабском мире отсутствуют так называемые социальные лифты. Правители сидят долго, извлекая ренту и обрастая клиентелой.

Арабские страны имеют более низкие показатели, чем развитые страны, а также азиатские новые индустриальные страны, Индия и Китай по уровню институционального развития с учетом шести индикаторов: политической стабильности, степени соблюдения законности, эффективности государства, качества регулирования, контроля

⁶ По одной из оценок, состояние Бен Али превышало 5 млрд долл. О масштабах коррупции, связанной с кланом Лейлы Трабелси, последней жены бывшего тунисского правителя, см.: [Le Monde, 15.01.11].

График 7

Уровни институционального развития, 2007 (США=100)

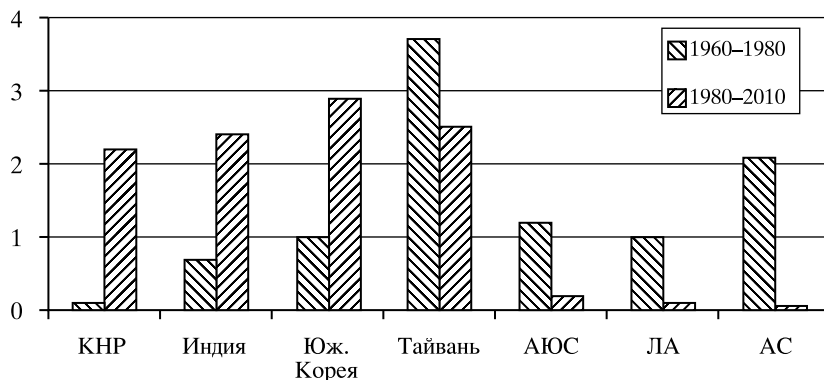

Примечания. 1. АЮС – Африка южнее Сахары, АС – арабские страны, ЛА – Латинская Америка, АзНИС – азиатские новые индустриальные страны (среднее взвешенное по Республике Корее и Тайваню), РГ – среднее по развитым государствам.

Расчитано по: [Мельянцеv, 2009, с. 213] как среднее невзвешенное по шести индикаторам Д. Кауфмана, А. Крзя, М. Мастрози (политическая стабильность, степень соблюдения законности, эффективности государства, качества регулирования, контроля над коррупцией, подотчетности государства обществу).

График 8

Среднегодовые темпы прироста совокупной производительности, %

Примечания. 1. Анализируемые периоды: по КНР – 1952–1978 и 1978–2010 гг.; по Индии – 1957–1980 и 1980–2010 гг.; по Южной Корее – 1960–1980 и 1980–2010 гг.; по Тайваню – 1952–1980 и 1980–2010 гг.; по Африке южнее Сахары – 1960–1980 и 1980–2010 гг.; по Латинской Америке – 1950–1980 и 1980–2010 гг.; по арабским странам – 1960–1980 и 1980–2010 гг. 2. Рассчитано по формуле: $r = y - [\alpha \cdot l + (1-\alpha) \cdot k]$, где r , y , l и k обозначают соответственно среднегодовые темпы прироста совокупной факторной производительности, ВВП, занятости и основного капитала; α и $(1-\alpha)$ средние показатели эластичности изменения ВВП по рабочей силе и капиталу.

Расчитано по: [Мельянцеv, 2009, с. 208; IMF, 2013, p. 154, 158–159; UNDP, 2011, p. 141; World Development Indicators, 2012, p. 46–48, 214–216, 246–248].

над коррупцией, подотчетности государства обществу, причем главный среди них – неэффективность систем управления и общественных институтов (см. *граф. 7*).

Все вышеперечисленные группы факторов обусловили в целом замедленный рост в арабских странах совокупной факторной производительности (СФП, см. *граф. 8*), обострение социальных проблем и противоречий, таких как огромные масштабы безработицы, особенно среди молодой, образованной части населения, сравнительно высокий уровень бедности и неравенства, высокий и растущий уровень инфляции и

дифференциации доходов, которые привели к масштабным социальным протестам, охватившим арабский мир в последние годы [Мельянцев, 2011(2), с. 80–83; UNDP, 2011; World Economic Forum, *The Arab World Competitiveness Report*, 2013].

Судя по моей модели, рассчитанной по 23 странам арабо-мусульманского мира за 1990–2000-е гг., менее динамичный рост подушевого ВВП определялся почти на две пятых сравнительно более высокими темпами прироста численности населения; на одну треть – более низкой долей несырьевого экспорта (в структуре экспорта) и на одну пятую – более низким уровнем качества институтов (аппроксимированного в модели по индексу верховенства закона).

$$Y = 3.66 - 0.83 * P + 0.02 * M + 1.37 * L$$

($p=0.02$) ($p=0.04$) ($p=0.09$) ($p=0.01$),
 $R^2 \text{ adjusted} = 0.59$, $N = 23$, $T = 1990\text{--}2010$.

Y и P – среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП и численности населения; M – средняя за период доля готовых изделий и услуг в экспорте товаров и услуг; L – среднее за период значение показателя верховенства закона. Все основные параметры статистически значимы (на уровне менее 10%). Скорректированный показатель детерминации достаточно высок (см.: [Мельянцев, 2011(2), с. 75]).

Согласно другой модели, отставание в целом арабских стран от развивающихся стран Восточной и Южной Азии по среднегодовым темпам прироста подушевого ВВП в 1980–2000-е гг. (в среднем более чем на 4 процентных пункта) примерно на четверть связано с более низкими (в арабских странах) темпами роста экспорта, наполовину – со значительно более низкой (в них же) нормой расширенного накопления в ВВП и на одну пятую – с относительно более глубокой дифференциацией доходов в арабском мире, усиливающей общую нестабильность (см.: [Мельянцев, 2011(2), с. 76]).

$$Y = 0.164 * EXP + 0.150 * NKH - 0.052 * GIN - 0.873$$

($p=0.0074$) ($p=0.0002$) ($p=0.0049$)
 $R^2 \text{ adjusted} = 0.809$, $N = 43$, $L = 1980\text{--}2006$

Y и EXP – соответственно среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП и физического объема экспорта товаров и услуг, %; NKH – расширенная норма капиталовложений (доля обычных капиталовложений, расходов на образование и НИОКР в ВВП), %; GIN – средний за период показатель Джини по доходам. Все основные параметры статистически значимы (на уровне менее 1%), скорректированный показатель детерминации весьма высок.

К числу факторов, обусловивших в целом по арабским странам и Большому Ближнему Востоку сравнительно низкие темпы увеличения совокупной факторной производительности (СФП), можно отнести отмечавшуюся выше возросшую в регионе экономическую и политическую нестабильность, чрезмерное вторжение государства в экономику (доля госрасходов в ВВП в арабских странах – 34–38% – в полтора раза выше, чем в целом по другим развивающимся странам), торможение процесса реформ консервативными и авторитарными режимами. 9/10 общего числа арабских стран расположены в нижней трети, а 3/5 – в нижней четверти рейтинга уровней развития демократии в мире. По рейтингу легкости ведения бизнеса и индексу экономической свободы, составленному за 2009–2011 гг., большинство арабских стран в целом располагалось в нижней трети двух весьма важных мировых “табелей о рангах”. По показателям юридической защищенности заемщиков и кредиторов, а также эффективности государства и действенности госрегулирования арабские страны в среднем вдвое–втрое отстают от других развивающихся стран (см.: [Мельянцев, 2011(1), с. 19–32;

Fraser Institute, 2010; Freedom House, 2012; Heritage Foundation, 2012; *Doing Business*, 2013; *World Development Indicators*, 2013]).

Подушевой доход в среднем по арабским странам примерно на четверть больше, чем в Китае (с учетом данных последнего раунда международного сравнения доходов в 2013 г. соответственно 15 и 12 тыс. долл. в ППС 2013 г.). Однако в отличие от одного из главных глобализаторов современного мира, “дыхание” и присутствие которого испытывают многие страны (эффект масс сравнительно дешевой и дееспособной рабочей силы, конкурентоспособных товаров, растущих масштабов зарубежных инвестиций), в целом по арабским странам, по моим подсчетам, интенсивность труда в 2.5 раза ниже, показатели удельных расходов на НИОКР в ВВП и IQ – соответственно в 5–6 раз и на четверть меньше, зато процент людей с избыточным весом, наоборот, в пять раз больше, чем в КНР (рассчитано по: [*Purchasing...*, 2014, p. 34–35, 38; *World Development Report*, 2014, p. 296–297; World Economic Forum. *The Human Capital Report*, 2013, p. 54–537]). Для преодоления острого кризиса в арабских странах и ряде других государств Большого Ближнего Востока и арабо-мусульманского мира, увеличения конкурентоспособности их экономик необходимо сделать многое. Чрезвычайно важны реформы, укрепляющие работоспособные институты, способствующие диверсификации их хозяйственных систем, активизации частного сектора и повышению уровня квалификации и занятости населения (см.: [Салийчук, 2012, с. 164–171; Berglof, 2013; Middle East: Focus on the Future, 2013, p. 8–33]). Однако все это не так просто осуществить в условиях нестабильности мировой экономики, усиления экспансии конкурентов из числа других развивающихся стран, наращивающих экспорт готовых изделий и разнообразных услуг. Для этого должна быть синергия воли масс населения и их руководителей и вертикаль власти с двусторонним движением. Дело, как говорится, за малым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев А.М., Виницкий Д.И. Новый виток египетской революции // *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 1.
- Видясова М.Ф. *Социальные структуры доколониального Магриба*. М., 1987.
- Ланда Р.Г. *История арабских стран*. М., 2005.
- Мельянцева В.А. *Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность*. М., 1996.
- Мельянцева В.А. *Информационная революция, глобализация и парадоксы современного экономического роста в развитых и развивающихся странах*. М., 2000.
- Мельянцева В.А. *Арабо-исламский мир в контексте глобальной экономики*. М., 2003.
- Мельянцева В.А. *Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000-е гг.)*. М., 2009.
- Мельянцева В.А. Арабо-исламский мир в 1980-2000-е гг.: тенденции и противоречия экономического и социального развития // *Вестник Московского университета*. Сер. 13. *Востоковедение*. 2011(1). № 2.
- Мельянцева В.А. Кризис в арабском мире: экономические и социальные аспекты // *Мировая экономика и международные отношения*. 2011(2). № 10.
- Мельянцева В.А. *Анализ важнейших трендов глобального экономического роста*. М. 2013.
- Наумкин В.В. *Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее*. М., 2013.
- Салийчук А.В. *Экономическая либерализация и макроэкономическая результативность Египта, Иордании и Туниса*. М., 2012.
- Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года*. М., 2012.
- Стоклицкий С.Л., Фридман Л.А., Андрукович П.Ф. *Экономические структуры арабских стран. Экономико-статистический анализ*. М., 1985.
- Фильштинский И.М. *История арабов и Халифата*. М., 2008.
- Al-Hamad A.Y. *The Arab World: Performance and Prospects*. Dubai, United Arab Emirates, 2003.
- Amin S. *L'économie arabe contemporaine*. P., 1980.
- Bairoch P. *Victoire et déboires. Histoire économique et sociale du monde du XVI siècle à nos jours*. Vol. 2. P., 1997.
- Berglof E. Anchoring the Arab Awakening // *Project-Syndicate*. June 3 (<http://www.project-syndicate.org/commentary/the-right-reform-strategy-for-arab-economies-by-erik-berglof>). 2013.
- Cockburn P. Troubles Like This Are Brewing Over the Middle East // *The Independent*. 15 January, 2011.

- Doing Business*. World Bank. Washington, 2013.
- Even the Oil-Rich Gulf Monarchies Are Feeling the Egypt Effect // *The Economist*. February 10th, 2011.
- Fraser Institute. *Economic Freedom of the Arab World*. Cairo, 2010.
- Freedom House. *Freedom in the World 2012: The Arab Uprisings and their Global Repercussions*. Washington, 2012.
- Heritage Foundation. 2012 *Index of Economic Freedom*. Washington, 2012.
- High-technology exports (% of manufactured exports)* (<http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx>). 2014 (30.04.2014).
- IMF. *World Economic Outlook*. October 2013. Washington, 2013.
- Islam M. *Decline of Muslim States and Societies*. N.Y., 2008.
- Issawi Ch. The Middle East in the World Context: a Historical View // *The Modern Economic and Social History of the Middle East in Its World Context*. / Ed. by G. Sabah. Cambridge (Mass.), 1989.
- Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. Governance Matters VIII. Aggregate and Individual Governance Indicators, 1996–2008. *The World Bank. Policy Research Working Paper* 4978. Washington, 2009.
- Khouri R. Tunisia Heralds a Long Battle for Arab Reform // *The Financial Times*. January 16, 2011. *Le Monde*. P.
- Maddison A. *Contours of the World Economy, 1–2030 AD*. Oxford, 2007.
- Middle East: Focus on the Future // *Finance and Development*. 2013. Vol. 50. № 1.
- Moisi D. An Arab Spring // *Project-Syndicate*. 2011.01.26.
- Noland M., Pack H. *The Arab Economies in a Changing World*. Washington, 2007.
- Pamuk Ş. Estimating Economic Growth in the Middle East since 1820 // *The Journal of Economic History*. 2006. Vol. 66. № 3.
- Purchasing Power Parities and Real Expenditures of World Economies. Summary of Results and Findings of the 2011 International Comparison Program*. World Bank. Washington, 2014.
- The Economist*. London.
- The Financial Times*. London.
- The World Factbook*, 2011. CIA. (<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2178rank.html>) (дата обращения: 15.01.2011).
- UNCTAD. *Handbook of Statistics*. N.Y., Geneva, 2002.
- UNDP. *Arab Development Challenges Report*. Cairo, 2011.
- UNDP. *Human Development Report*, N.Y., 1994, 2003, 2010, 2013.
- UNDP. *The Arab Human Development Report*. N.Y., 2003, 2009.
- UNESCO. *Science Report, 2010*. P., 2010.
- World Development Indicators*. World Bank. Washington, 1998, 2003, 2008, 2009, 2010, 2012, 2013.
- World Development Report*. World Bank. Washington, 1983, 2014.
- World Economic Forum. *The Arab World Competitiveness Report*. Geneva, 2002–2003, 2005, 2007, 2011–2012, 2013.
- World Economic Forum. *The Global Competitiveness Report, 2013–2014*. Geneva, 2013.
- World Economic Forum. *The Human Capital Report*. Geneva, 2013.
- Worldwide Governance Indicators* World Bank. (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#reports>). 2013 (дата обращения: 05.10.2013).